Прикотенко Андрей 26.04.03.

«Хочу остаться рассказчиком историй»

Коммерсантъ. — 2003 — 26 апр. — С. 9.

премьера театр

Сегодня и завтра в московском Новом драматическом театре — премьера спектакля «Elsinore» по трагедии Шекспира «Гамлет». Спустя всего десять дней после того, как спектакль Андрея Прикотенко «Эдип-царь» получил премию «Золотая маска» и был показан в Москве, этот молодой питерский режиссер дебютирует на столичной сцене. Накануне премьеры АНДРЕЙ ПРИКОТЕНКО ответил на вопросы РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

ЮРИЙ МАРТЬЯНОВ

— Почему «Elsinore», а не «Гамлет»?

— Представьте себе, что на афише написано просто «Гамлет». По-моему, многие зрители просто не пойдут...

— А зачем тогда вы вообще взяли «Гамлета»?

— Смешно получилось. Когда меня пригласили сюда, мы долго вели переговоры, придумывая, что бы это могла быть за постановка. И как-то раз мне позвонил в Питер директор театра и сказал, что надо срочно дать название пьесы, потому что театр подает заявку на какой-то грант для постановки. У меня названия не было, я все еще раздумывал. Директор тогда говорит: ну назовите любое, это для проформы только, потом можно будет сто раз поменять. Я отвечаю: ну раз это безответственно, то тогда, разумеется, «Гамлет». А что еще? Проходит время, я приезжаю в Москву, прихожу к руководителю театра Вячеславу Долгачеву, а он мне: ну что, будем ставить «Гамлета»? Я говорю: нет, не будем. А он: придется, все утверждено и подписано, ничего изменить уже нельзя. Директор, с которым мы тогда договаривались, к этому времени вообще уволился, и призвать его к ответу было невозможно.

— То есть вас вынудили просто?

— Да нет, конечно. Были замыслы. Иначе нельзя ставить. Потому что в процессе работы над спектаклем человеческие ресурсы режиссера по отношению к материалу испиваются до дна. Поэтому мотивы твоего выбора всегда будут видны на донышке. Что касается «Гамлета», то, по-моему, есть два случая, когда за него можно браться. Либо когда ты очень молод как режиссер и у тебя нет никакой ответственности перед пьесой, но она вдруг стала интересна. Либо когда пришла пора подводить какие-то жизненные итоги. У меня — первый случай. Когда я приехал репетировать, со мной уже был не только макет, все эскизы, музыка, но даже список реквизита. Они все тут ошалели от такой готовности. И репетиции были очень стремительные, активные, мы таким блицкригом обрушились на пьесу...

— А вы помните, чем именно увлекла вас пьеса, когда она, как вы сказали, вдруг стала интересна?

— Мне показалось тогда, что это пьеса прежде всего про две семьи, про семью Гамлета и семью Полония. Между ними очень тесные взаимоотношения, они всегда рядом. Но люди эти живут в суровых северных краях. И сильные чувства с этими людьми совершают что-то немыслимое, они их перелопачивают, вспомнить хотя бы «Рассекая волны» фон Триера или Бергмана. Мне важно было просто рассказать такую вот историю. Я в принципе хочу остаться рассказчиком историй.

— Трагедия «Эдип-царь» у вас получилась неожиданно остроумной и заводной. От «Гамлета» того же не ждать?

— Мне кажется, получается довольно смешной спектакль.

— В Москве вас узнали совсем недавно благодаря «Эдипу». Как вы вообще попали в театр? Мечта детства?

— Не было никакой мечты. Я вообще не помню, как оказался в театральной академии. Служил в армии, не знал, куда дальше идти, потом помню, как уже в этой академии учусь. А между этими временами какой-то провал. Еще помню, что сначала окончил актерский курс, а потом еще и режиссерский. Мы однокурсники с Хабенским, Пореченковым, Трухиным. Кстати, когда я первый раз поступал на режиссуру, мне на консультации один педагог посоветовал о режиссуре забыть. И тогда приятель мой, поступавший на актерский, увлек меня за компанию.

— В театральном Петербурге понятию «школа» придается почти мистическое значение. Об академии на Моховой говорят с таким придыханием и пафосом, что не по себе становится...

— Ну и что? Я тоже люблю своего учителя Вениамина Михайловича Фильштинского и на курсе у него преподаю.

— Вы после института поставили несколько спектаклей в провинции. Не было предложений в Петербурге?

— Просто это был мой сознательный выбор — отправиться в более или менее безответственное пространство. Провались в Петербурге с первым самостоятельным спектаклем — и все, ку-ку. Мы же из академии все вышли комнатными режиссерами. Мы вообще не понимали, что такое обычный, настоящий театр.

— А вы умеете смотреть чужие спектакли?

— Да, мне очень не хватает впечатлений. От них заводишься, причем как от хороших, так и от плохих.

— Несколько лет назад в Питере появилась новая режиссерская волна: Козлов, Праудин, Крамер, Дитятковский, Бутусов, Могучий. Все они тогда утверждали, что не хотят заниматься администрированием, не хотят брать на себя ответственность за театры. А сейчас глядь — почти все уже чем-то руководят. Как вы насчет того, чтобы иметь театр?

— Ну... Не откажусь.

— А для вас есть какие-то табу в театре?

— Конечно. Нельзя, чтобы в театре было некрасиво. Никому не нужно, чтобы его лишний раз ткнули куда-то, в гадость всякую. Театр должен помогать человеку жить.

— Ну вот, новая режиссура пришла! А основной принцип, получается, «сделайте нам красиво»?

— Зрителю же должно хотеться смотреть на сцену. Ведь когда он сидит в зале, он может смотреть на все четыре стороны. И значит, наша задача просто в том, чтобы ему хотелось глядеть только туда, на сцену. Хотя, конечно, основная сложность и состоит в том, что театр по большому счету ведет беседу о безобразном.